

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет;
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия,
e-mail: iliadikarev@volsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University; Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ: СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ И ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ISSUES OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE AGREEMENTS: PARTIES AND CONCLUSION
PROCEDURE

Аннотация. В досудебном производстве по уголовным делам встречается четыре вида уголовно-процессуальных актов: акты применения права, процессуальные обращения, процессуальные акты распорядительного характера и процессуальные договоры. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеется лишь один пример последнего вида процессуальных актов – досудебное соглашение о сотрудничестве. Столь ограниченная сфера договорных отношений в уголовном судопроизводстве объясняется его публично-правовой природой, однако это не означает, что у рассматриваемой разновидности уголовно-процессуальных актов нет перспектив развития. Чтобы сделать их реальными, требуется разработка теории уголовно-процессуальных договоров. Цель исследования состоит в разработке на основе анализа регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве общих положений, которые могли бы составить теоретическую основу регулирования уголовно-процессуальных договоров. В частности, необходимо определить субъектный состав процессуальных договоров, их предмет, гарантии прав и законных интересов участников процессуальных договоров на этапе их заключения, пределы обжалования отказа властных субъектов от заключения процессуальных договоров. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы, прежде всего логико-юридический и юридической интерпретации. Результаты: исследование показало, что обязательства по процессуальному договору для каждого его участника предполагают совершение действий только в интересах противополо-

Abstract. There are four types of criminal procedure acts in pre-trial criminal proceedings: acts of application of law, procedural appeals, procedural acts of dispositive nature and procedural agreements. In the current criminal procedure legislation, there is only one example of the latter type of procedural acts, namely a pre-trial co-operation agreement. Such a limited scope of contractual relations in criminal proceedings is explained by its public law nature; however, this does not mean that this type of criminal procedure acts has no prospects for development. To make them real it is required to develop a theory of criminal procedure agreements. The purpose of the study is to develop, based on analysing the regulation of a pre-trial cooperation agreement, general provisions that could constitute a theoretical basis for the regulation of criminal procedure agreements. In particular, it is necessary to define parties of procedural agreements, their subject matter, guarantees of the rights and legitimate interests of participants of procedural agreements at the conclusion stage, the limits of appealing against the refusal of authorities to conclude procedural agreements. The dialectical method serves as the methodological basis of the research. In addition, the general scientific methods of analysis, synthesis and systematic approach are used, as well as special legal methods, primarily logical-legal and legal interpretation. Results: the study shows that the obligations under a procedural agreement for each of its participants imply the performance of actions only in the interests of the opposing party; the conclusion of a procedural agreement requires the participation or control of the authorities conducting criminal proceedings;

ложной стороны; заключение процессуального договора требует участия или контроля со стороны властных субъектов, ведущих уголовный процесс; участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов стороны процессуального договора, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности его заключения; решение должностного лица об отказе в заключении процессуального договора подлежит обжалованию в предусмотренном законом порядке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные акты, процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, потерпевший

Для цитирования: Дикарев И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: субъектный состав и процедура заключения / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 49–58.

the participation of entities defending the rights and legitimate interests of a party to a procedural agreement shall act as a mandatory procedural guarantee of the legality of its conclusion; the decision of an official to refuse to conclude a procedural agreement shall be subject to appeal in the manner prescribed by law.

Keywords: criminal procedure acts, procedural agreement, pre-trial cooperation agreement, victim

For citation: Dikarev I.S. Issues of the Theory of Criminal Procedure Agreements: Parties and Conclusion Procedure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 49–58. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.5.

ВВЕДЕНИЕ

Значительная часть огромного массива процессуальных документов, составляемых в ходе досудебного производства по уголовным делам, – это уголовно-процессуальные акты. Ключевым критерием, отличающим процессуальные акты от иных процессуальных документов, является то, что их вынесение порождает юридические последствия, проявляющиеся в возникновении, изменении или прекращении уголовно-процессуальных отношений [1]. К числу уголовно-процессуальных актов относится и досудебное соглашение о сотрудничестве (далее – ДСС), являющееся единственной на данный момент формой такой разновидности процессуальных актов, как процессуальные договоры. Отсутствие в уголовном судопроизводстве других примеров процессуальных договоров не отменяет того, что данная разновидность уголовно-процессуальных актов имеет серьезные перспективы для развития и может успешно использоваться для регулирования и иных отношений, складывающихся между участниками уголовного процесса. Однако для того чтобы процессуальные договоры стали для законодателя реально работающим инструментом регламентации процессуальной деятельности, необходима разработка теории уголовно-процессуального договора. Осуществить

эту работу на данный момент можно только одним способом – препарирова уже имеющуюся процессуальную конструкцию ДСС и выявляя на основе анализа ее элементов специфические закономерности, обобщение которых позволит разработать универсальные для любых процессуальных договоров положения.

ДОГОВОРНАЯ ПРИРОДА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Начнем с того, что далеко не все исследователи признают договорную природу ДСС. Так, Е.Л. Федосеева полагает, что этот уголовно-процессуальный акт представляет собой не соглашение, а согласие подозреваемого (обвиняемого) на сотрудничество со следствием, которое он выражает прокурору [2, с. 6, 12]. По мнению Н.А. Дудиной, ДСС выступает специфической разновидностью правоприменительного акта, а конструкцию соглашения она называет «псевдодоговорной». Допустимость использования в данном случае термина «соглашение» автор оправдывает лишь добровольностью его заключения со стороны обвиняемого или подозреваемого, а также наличием взаимного интереса у сторон [3, с. 49]. Я.В. Лошкобанова, называя ДСС «сделкой», считает ее односторонней, полагая, что только обязательства подозреваемого и обвиняемого имеют добровольный характер, тогда

как обязанности прокурора предусмотрены уголовно-процессуальным законом [4, с. 12].

Общим в приведенных позициях является то, что их авторы рассматривают заключение ДСС как акт применения права властным субъектом судопроизводства, с которым сторона защиты лишь соглашается, принимая на себя определенные обязательства. Признать правильным такое понимание правовой природы ДСС сложно.

Акты применения права как самостоятельная группа уголовно-процессуальных актов характеризуются тем, что в них проявляется государственная воля, формулируются решения, принимаемые властными субъектами судопроизводства по результатам осуществляемой ими деятельности. Облекаемые, как правило, в форму постановлений, акты применения права всегда носят односторонний характер, выражают решение определенного должностного лица или государственного органа. Да, в ряде случаев такие процессуальные акты нуждаются в согласовании с другими участниками уголовного судопроизводства. Например, уголовно-процессуальный закон (ч. 3 ст. 213 УПК РФ) требует получения согласия обвиняемого или подозреваемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, перечисленным в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Но такой процессуальный порядок не превращает обвиняемого или подозреваемого в «соавторов» постановления следователя, поскольку они не являются субъектами применения права. Их согласие с решением должностного лица составляет лишь одно из законных условий вынесения соответствующего постановления [1, с. 33].

Принципиально иное положение складывается при заключении ДСС. Во-первых, заключая ДСС, прокурор, конечно, руководствуется уголовно-процессуальным законом, применяет его положения. Однако юридическое значение в данном случае имеет не столько факт применения закона, допускающего заключение прокурором такого соглашения, сколько обязанности, которые возникают у него в случае добросовестного исполнения обвиняемым или подозреваемым принятых на себя обязательств. Одновременно заключение ДСС влечет возникновение и у стороны защиты обязанностей, которые она исполняет

под угрозой прекращения действия соглашения и связанного с этим отказа в применении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу. Таким образом, складывающиеся в связи заключением ДСС правоотношения производны от его содержания, которое определяется сторонами на основании взаимной договоренности. Во-вторых, ДСС, в отличие от актов применения права, не носит властного характера. Его заключение инициирует сам обвиняемый или подозреваемый, подавая прокурору соответствующее ходатайство. Сторона защиты заключает такое соглашение только в том случае, если условия, выдвигаемые процессуальным контрагентом, являются для нее приемлемыми, а обязательства – исполнимыми. Отказ стороны защиты от заключения ДСС для стороны обвинения является непреодолимым. Кроме того, обвиняемый вправе в любой момент отказаться от дальнейшего исполнения условий ДСС, что приводит к прекращению его действия. В-третьих, договорная форма ДСС, включающая в себя согласованные сторонами условия, позволяет рассматривать всех лиц, подписывающих такое соглашение, как полноправных «соавторов» рассматриваемого уголовно-процессуального акта.

В этой связи представляется обоснованной позиция исследователей, которые полагают, что ДСС – не что иное, как процессуальный договор [5, с. 9; 6, с. 118; 7, с. 64].

Договорная природа ДСС и его принципиальное отличие от других видов уголовно-процессуальных актов предполагает необходимость рассмотрения особенностей формы его заключения, весьма специфичной для уголовно-процессуального права.

СУБЪЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ ДСС заключается между сторонами обвинения и защиты. В ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ законодатель конкретизирует субъектный состав участников ДСС, указывая, что оно подписывается прокурором, подозреваемым или обвиняемым, а также его защитником.

Положения закона, предусматривающие заключение ДСС между сторонами обвинения и защиты, наводит на мысль о том, что процессуальные договоры всегда должны заключаться только между участниками уголовного судопроизводства, находящимися в процессуальной оппозиции. Очевидно, что договор между участниками уголовного процесса, выступающими на одной стороне, беспредметен, поскольку действия в интересах контрагента были бы в этом случае одновременно действиями в собственном интересе.

Несмотря на прямо выраженную волю законодателя относительно субъектов заключения ДСС со стороны защиты, многие авторы высказываются против признания стороной ДСС подозреваемого. Исследователи обращают внимание на бессмысленность заключения ДСС с подозреваемым, поскольку этот участник уголовного судопроизводства является временным [8, с. 28]. Кроме того, отмечается, что только после привлечения лица в качестве обвиняемого сторона обвинения сможет более объективно оценить необходимость заключения ДСС [3, с. 116], а сторона защиты – четко определить свою позицию относительно согласия с предъявленным обвинением [9, с. 20].

Такая позиция представляется совершенно обоснованной. Во-первых, непривлечение лица в качестве обвиняемого свидетельствует об отсутствии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения его в совершении преступления. В таких условиях обсуждать вопросы, связанные с уголовной ответственностью лица, как минимум преждевременно. Во-вторых, сторона защиты для обсуждения условия ДСС должна располагать информацией о том, в чем лицо обвиняется и как квалифицированы его деяния, поскольку эти сведения исключительно важны для оценки целесообразности заключения ДСС. В этой связи категорически неприемлемыми представляются высказываемые в юридической литературе предложения заключать ДСС на стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 13].

Указание в законе на подписание ДСС защитником не следует толковать в том смысле, что он также является стороной соглашения. Как верно отмечает Е.Л. Федосеева, защитник подписывает соглашение, поскольку на этого участника уголовного процесса возложена за-

щита прав и законных интересов обвиняемого, но стороной ДСС он не является [2, с. 12]. Позиция, которую занимает защитник относительно целесообразности заключения ДСС, юридического значения не имеет. Подписание защитником этого процессуального документа в данном случае ничем не отличается от, например, подписания им постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Подпись защитника служит свидетельством надлежащего обеспечения процессуальных прав его подзащитного, а также подтверждает участие самого защитника в соответствующем процессуальном действии. В этой связи представляются спорными предложения исключить из УПК РФ положения, предусматривающие необходимость подписания защитником как ходатайства о заключении ДСС, так и самого соглашения [10, с. 44].

СУБЪЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

Контрагентом стороны защиты при заключении ДСС выступает прокурор, так как именно его подпись ставится на этом документе. Возникает вопрос: почему стороной ДСС не является представитель следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело (следователь или руководитель следственного органа)? В юридической литературе такое положение объясняется особой ролью прокурора как главы обвинительной власти [9, с. 20; 11, с. 8–9]. Предложенное объяснение было бы вполне убедительным, не проводи законодатель в 2007 г. реформу досудебного производства, в результате которой у прокурора были изъяты полномочия, связанные с непосредственным участием в уголовном преследовании и процессуальном руководстве органами предварительного следствия. В настоящее время единственной процессуальной функцией, осуществляемой прокурором в ходе предварительного следствия, является надзор за деятельностью органа расследования. Следовательно, никаких оснований считать прокурора главой обвинительной власти на данном этапе производства по уголовному делу нет. В этой связи в юридической литературе неоднократно высказы-

валась мысль о том, что прокурор – ненадлежащий субъект заключения ДСС и что сторону обвинения в этом соглашении должны представлять следователь или руководитель следственного органа [12, с. 102; 5, с. 11; 13, с. 90; 14, с. 69 и др.].

Конечно, следственная власть не устранена полностью от участия в заключении ДСС: следователь (по согласованию с руководителем следственного органа) рассматривает ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении ДСС и, в зависимости от оценки целесообразности заключения такого соглашения, отказывает в его удовлетворении либо направляет его прокурору (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ). Таким образом, позиция следственного органа имеет значение одного из условий заключения ДСС.

Несмотря на столь скромную роль следственного органа в установлении договорных отношений со стороной защиты, есть авторы, предлагающие вообще не учитывать позицию следователя относительно заявленного подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении ДСС [8, с. 11]. По мнению Е.Л. Федосеевой, прокурора следует наделить полномочием рассматривать ходатайство о заключении ДСС непосредственно, а следователю оставить право выносить представление о целесообразности либо нецелесообразности заключения соглашения о сотрудничестве [2, с. 7].

В юридической литературе подобные предложения встречают обоснованную критику [15, с. 134]. Совершенно очевидно, что никто лучше следователя не может оценить реальную потребность в содействии со стороны подозреваемого или обвиняемого. Непричастный к производству предварительного расследования прокурор, функция которого исчерпывается осуществлением надзора за процессуальной деятельностью следственного органа, не всегда может принять по такому вопросу правильное, обоснованное решение.

Представляется, что роль следственного органа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не только не может быть уменьшена, но, напротив, ее необходимо существенно усилить. Как представляется, руководитель следственного органа должен стать

полноценной стороной ДСС, подписывающей его текст. Именно орган предварительного следствия является по ДСС основным «выгодоприобретателем» на этапе расследования, а значит, руководитель такого органа должен непосредственно участвовать в обсуждении его условий и обязательств, принимаемых на себя стороной защиты.

Ранее автор этих строк предлагал исключить прокурора из числа субъектов заключения ДСС в ходе предварительного расследования [16, с. 30]. В настоящее время мы пересмотрели свою позицию и полагаем, что прокурор должен подписывать ДСС наряду с руководителем следственного органа.

Обвинительная власть в современном уголовном процессе России разделена на следственную и прокурорскую, вследствие чего для эффективного осуществления уголовного преследования теперь требуются консолидированные усилия представителей каждой из этих ветвей власти. Совершенно прав А.В. Травников, отмечая, что именно прокурор является той процессуальной фигурой, которой предстоит определить возможность рассмотрения уголовного дела в особом порядке [17, с. 110]. В этой связи позиция прокурора обязательно должна учитываться при заключении ДСС.

Однако, делая такой вывод, необходимо отдавать себе отчет в том, что прокурор, участвуя в заключении ДСС, принимает на себя временно несвойственную ему на этапе предварительного расследования функцию уголовного преследования. Такой вывод следует не только из легального определения ДСС (п. 61 ст. 5 УПК РФ), по смыслу которого прокурор в этом соглашении представляет сторону обвинения, но и закономерно вытекает из целей и содержания участия прокурора в заключении ДСС, поскольку оценка целесообразности такого соглашения осуществляется им исходя из интересов обвинительной деятельности. Допущение в указанном случае (пусть даже эпизодического) включения прокурора в осуществление уголовного преследования ставит перед уголовно-процессуальной теорией вопрос о том, насколько это влияет на объективность прокурора при осуществлении надзорной деятельности в дальнейшем. На данный момент он остается открытым.

ВОПРОС О РОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Помимо государственных органов и должностных лиц, для которых осуществление уголовного преследования составляет публично-правовую обязанность, к стороне обвинения относится также потерпевший. Однако уголовно-процессуальный закон не наделяет его правом участвовать в заключении ДСС, что некоторыми авторами расценивается как недостаток действующей регламентации [3, с. 37]. Вместе с тем для подобной критики нет оснований, поскольку законодатель справедливо исходит из того, что личный интерес, которым руководствуется в уголовном процессе потерпевший, не всегда совпадает с интересами публичными. В частности, потерпевший может категорически возражать против заключения с обвиняемым ДСС лишь потому, что в последующем это повлечет смягчение наказания. В подобных ситуациях субъективное усмотрение потерпевшего, будь он стороной ДСС, оказалось бы непреодолимым препятствием для заключения соглашения, вследствие чего возможность сотрудничества с обвиняемым в интересах расследования преступлений была бы полностью заблокирована.

Компенсация отсутствующего у потерпевшего права участвовать в заключении ДСС должна, по нашему мнению, обеспечиваться за счет наделения этого участника уголовного процесса правом обжалования приговора по всем предусмотренным законом основаниям. Для этого необходимо, чтобы суд в приговоре, постановляемом в особом порядке судебного разбирательства, мотивировал свои выводы на основе оценки всех имеющихся в деле доказательств [18].

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДОСТИЖЕНИЯ СТОРОНАМИ СОГЛАСИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Будучи процессуальным договором, ДСС может быть заключено только при наличии у сторон соответствующего намерения. Именно эта черта придает ДСС характер процессуального договора. Сторона защиты проявляет

свое волеизъявление путем подачи прокурору ходатайства в порядке ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ. Позиция следователя (согласованная с руководителем следственного органа) при заключении ДСС выражается в его действиях после получения ходатайства подозреваемого или обвиняемого – он либо ходатайствует перед прокурором о заключении ДСС, либо отказывает в удовлетворении ходатайства стороны защиты. Наконец, прокурор свое решение выражает путем вынесения постановления об удовлетворении ходатайства о заключении ДСС. Заключение соглашения происходит путем его подписания (ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ) – действия, в котором находит окончательное выражение как решение прокурора, так и волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) на возникновение прав и обязанностей, вытекающих из предварительно согласованных сторонами условий. Данный элемент процессуальной формы указывает на обязательность письменной формы рассматриваемого процессуального договора.

Возникает вопрос: каковы последствия недостижения согласия о заключении ДСС, когда какая-либо из сторон не имеет намерения вступать с другой стороной в договорные отношения? Совершенно очевидно, что отсутствие у обвиняемого воли на заключение ДСС в силу объективных причин не может быть преодолено. Важно учитывать, что предмет процессуального договора могут быть только такие действия, совершение которых составляет право, но не процессуальную обязанность субъекта. Так, например, правом обвиняемого является отказ от дачи показаний. Заключая ДСС, обвиняемый отказывается от этого права, принимая взамен на себя обязательство совершать активные действия (в том числе давать показания) в целях оказания содействия расследованию. В таких условиях понуждение к заключению ДСС не только незаконно, но и бессмысленно, ведь добиться выполнения обязательств по содействию расследованию от обвиняемого (подозреваемого) попросту невозможно.

Иное дело – должностные лица, представляющие в этом процессуальном договоре сторону обвинения, поскольку удовлетворение ходатайства стороны защиты о заключении ДСС или отказ в его удовлетворении – это про-

цессуальные решения. Принимая их, следователь и прокурор, во-первых, руководствуются не личными, а публичными интересами, во-вторых, выступают от имени государственного органа, в котором проходят службу (другими словами, представляют, соответственно, следственную или прокурорскую власть). Значит, решения следователя и прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении ДСС подлежат обжалованию со стороны обвиняемого (подозреваемого), но в каком порядке: судебном или ведомственном?

В юридической литературе встречается мнение, что сторона защиты должна иметь право обжаловать принимаемые следователем и прокурором решения по ходатайствам о заключении ДСС в судебном порядке [19, с. 205]. Более того, примеры обжалования с оставлением вышестоящими судебными инстанциями в силе решений, принимаемых судами по таким жалобам, встречаются в судебной практике¹. Находятся среди ученых и противники данного подхода. Например, К.Ф. Багаутдинов полагает, что поскольку ДСС представляет собой добровольно заключаемый сторонами договор, «нельзя понудить прокурора к заключению досудебного соглашения, возложив на него эту обязанность» [6, с. 115]. Схожей позиции придерживаются и некоторые другие авторы [3, с. 117].

По нашему мнению, полное исключение из сферы судебного контроля решений органов предварительного следствия и прокурора, принимаемых по ходатайствам стороны защиты о заключении ДСС, недопустимо. Исключить при разрешении таких ходатайств нарушения закона невозможно, а значит, заинтересованным лицам должна быть обеспечена судебная защита их прав и законных интересов. Другое дело, что предмет судебного контроля должен быть ограничен только законностью таких решений, то есть судебной проверке подлежит исключительно соблюдение требований уголовно-процессуального закона при разрешении поступившего ходатайства. Что же касается вопросов целесообразности заключения ДСС (то есть целесообразности самого сотрудничества сторон), то на них, как представляется, суд отвечать не должен. Иное означало бы прямое вмешательство судебной власти в обвинитель-

ную деятельность, а это не только сопряжено с отступлением от принципа состязательности сторон, но и способно нанести ущерб эффективности уголовного преследования.

Что же касается ведомственного контроля за принимаемыми следователем и прокурором решениями по ходатайствам стороны защиты о заключении ДСС, то для его осуществления нет никаких препятствий. В условиях субординации, действующей в системе органов Следственного комитета и прокуратуры, каждый вышестоящий руководитель вправе проверить решения нижестоящего сотрудника и оценить их законность, а также соответствие отстаиваемым ведомством публичным интересам. Другое дело – кто должен осуществлять такой контроль? Если говорить о решении прокурора об отказе в заключении ДСС, то его обжалование вышестоящему прокурору логично и не вызывает возражений. Что же касается жалоб на решения следователя об отказе в заключении ДСС и руководителя следственного органа об отказе в согласовании ходатайства следователя, то их рассмотрение прокурором представляется недопустимым. В этой связи вызывают возражения встречающиеся в юридической литературе предложения прямо закрепить в законе такое полномочие прокурора [17, с. 109]. Трудно согласиться с мнением, что в таком порядке обжалования решений должностных лиц следственного органа не усматривается никаких ограничений процессуальной самостоятельности следователя и руководителя следственного органа [20, с. 112]. Дело в том, что речь идет об особой разновидности уголовно-процессуальных актов – процессуальном договоре, в котором следственный орган выступает в качестве отдельной стороны, а принимаемые следователем и руководителем следственного органа решения выражают позицию следственного органа относительно заключения ДСС. Возможность преодоления этой позиции принимаемым по жалобе обвиняемого или подозреваемого решением прокурора означает фактическое исключение следственного органа из договора. В итоге основной выгодоприобретатель от сотрудничества в ходе расследования уголовного дела, каковым следственный орган и является, оказывается попросту «не у дел», поскольку сотрудничество ему навязывается прокурором. Такое положение представляется в корне неверным.

¹ Определение Московского городского суда от 07.09.2011 по делу № 22-11142 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Думается, специфика процессуального договора, выражающаяся в том, что для его заключения требуется выражение намерения каждой из сторон заключить договор, должна приниматься во внимание при регламентации порядка обжалования процессуальных решений. В частности, обжалование решений следователя и руководителя следственного органа должно допускаться только по ведомственной линии и не выходить за пределы системы Следственного комитета РФ. Отсутствующий прокурорский надзор в данном случае будет компенсироваться возможностью заинтересованных лиц обращаться с жалобами в суд, который, как уже было сказано, должен оценивать принятое решение только с позиции его законности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изучения сущности и правовой природы ДСС, особенностей его заключения, в том числе с учетом субъектного состава, можно сделать ряд обобщений, которые потенциально могут использоваться при конструировании законодателем новых моделей процессуальных договоров в уголовном судопроизводстве.

1. Обязательства по процессуальному договору предполагают совершение действий в интересах противоположной стороны.

2. Предметом процессуального договора могут быть только такие действия, совершение которых составляет для лица, отстаивающего в уголовном деле личный интерес, право, но не процессуальную обязанность. В отношении властных субъектов предусмотрен иной механизм реализации договорных обязательств. Поскольку всякое полномочие государственного органа или должностного лица превращается в обязанность каждый раз, когда появляются предусмотренные законом основания для реализации, его исполнение носит условный характер – полномочие реализуется в том случае, когда процессуальный оппонент выполняет свои обязательства. Именно такой механизм заложен в конструкцию ДСС.

3. Учитывая, что уголовно-процессуальные отношения носят властный характер, процессуальный договор не может заключаться без участия субъекта, ведущего уголовный процесс. В досудебном производстве, в силу

специфики его организации, такой субъект одновременно является стороной процессуального договора (следователь, руководитель следственного органа, прокурор). Данный общий вывод не исключает, что в будущем уголовно-процессуальное законодательство может предусматривать и заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, в составе которых не будет властных субъектов. Так, в ходе досудебного производства могло бы заключаться соглашение между обвиняемым и потерпевшим, по которому обвиняемый принимал бы на себя обязательство в установленный срок возместить причиненный преступлением вред, а потерпевший – не возражать против применения особого порядка судебного разбирательства. Очевидно, что такие соглашения могли бы существенно способствовать достижению указанной в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ задачи уголовного процесса. Если говорить о судебном производстве, то здесь властный субъект (суд) в принципе не может быть субъектом каких-либо процессуальных договоров. Соответственно, в обоих указанных случаях для придания процессуальному договору юридического значения и обеспечения законности при его заключении такой договор должен утверждаться субъектом, ведущим уголовный процесс. Другими словами, заключение процессуальных договоров между участниками уголовного процесса, не являющимися властными субъектами, должно утверждаться должностным лицом или органом, ведущим уголовный процесс.

4. Следственная и судебная практика исходит из того, что участниками ДСС не могут быть несовершеннолетние обвиняемые и подозреваемые. Такое толкование обусловлено невозможностью принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке судебного разбирательства (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»). В то же время при ином предмете процессуального договора вопрос о допустимости его заключения несовершеннолетним (при участии его законного представителя) вполне может обсуждаться. В этой связи бы-

ло бы преждевременным констатировать в качестве общего правила заключения процессуальных договоров наличие специальной процессуальной дееспособности (достижение совершеннолетия).

5. Участие субъектов, осуществляющих защиту прав и законных интересов своих подзащитных и доверителей, должно выступать в качестве обязательной процессуальной гарантии законности заключения процессуальных договоров. Вместе с тем такие участники уголовного процесса не должны рассматриваться в качестве сторон процессуального договора, поскольку иное означало бы возможность блокирования ими заключения соглашения между сторонами, что представляется недопустимым вмешательством в осуществление сторонами их процессуальных прав.

6. В настоящее время ДСС может заключаться только в письменной форме. Однако из этого не следует, что письменная форма – единственно возможная для процессуальных договоров. Если законодатель допустит заклю-

чение процессуальных договоров в ходе судебного производства, то их положения могли бы фиксироваться и в протоколе судебного заседания, с обязательным подписанием сторонами той части протокола судебного заседания, в которой фиксируются условия соглашения.

7. Участники уголовного процесса, отстаивающие в деле личный, защищаемый или представляемый интерес, вправе обжаловать решение должностного лица об отказе в заключении процессуального договора. В рамках ведомственного контроля проверке подлежат как законность, так и обоснованность вынесенного решения. Предметом судебной проверки может выступать только соблюдение требований уголовно-процессуального закона при принятии должностным лицом решения об отказе в заключении процессуального договора. В то же время обжалование не допускается, если отказ заключить процессуальный договор исходит от участника уголовного процесса, отстаивающего в уголовном деле личный интерес.

Список источников

1. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства / И.С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 31–35.
2. Федосеева Е.Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Л. Федосеева. – Екатеринбург, 2014. – 24 с.
3. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Дудина. – Красноярск, 2015. – 212 с.
4. Лошкобанова Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Я.В. Лошкобанова. – Краснодар, 2015. – 228 с.
5. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Иванов. – Челябинск, 2013. – 25 с.
6. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки / К.Ф. Багаутдинов // Юрист-Правоведъ. – 2018. – № 3. – С. 114–118.
7. Хромова Н.М. Особый порядок судебного разбирательства как процессуальный договор / Н.М. Хромова // Российский судья. – 2019. – № 5. – С. 60–64.
8. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.Ф. Багаутдинов. – Нижний Новгород, 2020. – 224 с.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Criminal Procedure Acts of Pre-Trial Proceedings. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2020, no. 2, pp. 31–35. (In Russian).
2. Fedoseeva E.L. Special Procedure for Criminal Proceedings When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Cand. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2014. 24 p.
3. Dudina N.A. Procedure for Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement as a Procedural Form of Active Repentance. *Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2015. 212 p.
4. Loshkobanova Ya.V. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of the Suspect, Accused and Victim When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Cand. Diss.* Krasnodar, 2015. 228 p.
5. Ivanov A.A. Theoretical and Organizational-Legal Aspects of the Implementation of the Institute of Pre-Trial Cooperation Agreement in Russian Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2013. 25 p.
6. Bagautdinov K.F. Pre-Judicial Cooperation Agreement: Concept, Content, Main Features. *Jurist-Pravoved*, 2018, no. 3, pp. 114–118. (In Russian).
7. Khromova N.M. Special Procedure of Judicial Proceedings as a Procedural Agreement. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 5, pp. 60–64. (In Russian).
8. Bagautdinov K.F. A Pre-Trial Cooperation Agreement: Current Issues of Optimizing the Mechanism for Implementation and Improving the Procedural Status of Its Participants. *Cand. Diss.* Nizhny Novgorod, 2020. 224 p.
9. Aleksandrov A.S., Kolesnik V.V. Procedure of Conclusion of Pre-Judicial Agreement on Cooperation: Legal Stance of the Higher Courts of Russia. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 19, pp. 16–22. (In Russian).

9. Александров А.С. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А.С. Александров, В.В. Колесник // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 16–22.
10. Ульянова Л.Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве / Л.Т. Ульянова // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 42–45.
11. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Климанова. – Самара, 2017. – 21 с.
12. Тензина Е.Ф. О роли прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в досудебном производстве по уголовному делу / Е.Ф. Тензина // Бюллетень Уральского отделения МАСП. – 2010. – № 1. – С. 101–102.
13. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. – 168 с.
14. Головинская И.В. К вопросу о полномочиях следователя и прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / И.В. Головинская // Современный юрист. – 2017. – № 3. – С. 62–70.
15. Сергеев А.Б. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуальный институт: вопросы совершенствования / А.Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 13 (368). – С. 129–136.
16. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 27–30.
17. Травников А.В. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при заключении, изменении и расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / А.В. Травников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 108–113.
18. Дикарев И.С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 196–202.
19. Каац М.Э. Проблемные стороны российского института соглашения о сотрудничестве (досудебный период) / М.Э. Каац // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 202–207.
20. Гаджиев Д.Д. Особенности функциональной роли следователя в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Д.Д. Гаджиев // Следствие в России: три века в поисках концепции : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва : Московская академия Следственного комитета РФ, 2017. – С. 111–113.
21. Ul'yanova L.T. Subjects of Prejudicial Agreement on Cooperation. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 15, pp. 42–45. (In Russian).
22. Klimanova O.V. Pre-Trial Cooperation Agreement: Legal Nature, Contractual Characteristics and Problems of Crime Qualification. *Cand. Diss. Thesis*. Samara, 2017. 21 p.
23. Tensina E.F. On the Role of the Prosecutor in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement in Pre-Trial Criminal Proceedings. *Byulleten' Ural'skogo otdeleniya MASP = Bulletin of the Ural Branch of the International Association for Assistance to Justice*, 2010, no. 1, pp. 101–102. (In Russian).
24. Yakimovich Yu.K. Concept, Purpose, Differentiation of Criminal Procedure. Principles of Criminal Procedure. Tomsk University Press Publ., 2015. 168 p.
25. Golovinskaya I.V. To the Question of the Powers of Investigator and Prosecutor at the Conclusion of Pre-Trial Agreement on Cooperation. *Sovremennyy yurist = Modern Lawyer*, 2017, no. 3, pp. 62–70. (In Russian).
26. Sergeev A.B. A Special Procedure for Criminal Proceedings at the Conclusion of the Pre-Trial Agreement on Cooperation of the Criminal Procedure Institute: Improving. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Law*, 2015, no. 13 (368), pp. 129–136. (In Russian).
27. Dikarev I.S. Controversial Issues of Organization of Pre-Judicial Manufacture on Criminal Cases. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2016, no. 5, pp. 27–30. (In Russian).
28. Travnikov A.V. Criminal Procedural Problems Related with Conclusion, Amendment and Termination of a Pre-Trial Cooperation Agreement in Criminal Cases on Crimes of a Terrorist Nature. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 4 (80), pp. 108–113. (In Russian).
29. Dikarev I.S. Ensuring the Victim's Rights When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 196–202. (In Russian).
30. Kaats M.E. Challenging Sides of Russian Cooperation Agreement (Pretrial Period). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2, pp. 202–207. (In Russian).
31. Gadzhiev D.D. Features of the Functional Role of the Investigator in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. In Bastrykin A.I. (ed.). *Investigation in Russia: Three Centuries in Search of a Concept. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 12, 2017)*. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation Publ., 2017, pp. 111–113. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, профессор, директор Института права Волгоградского государственного университета; профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University; Professor of the Department of Criminal Procedure, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024. The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 13.12.2024.